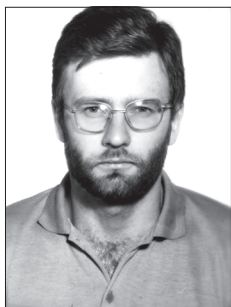
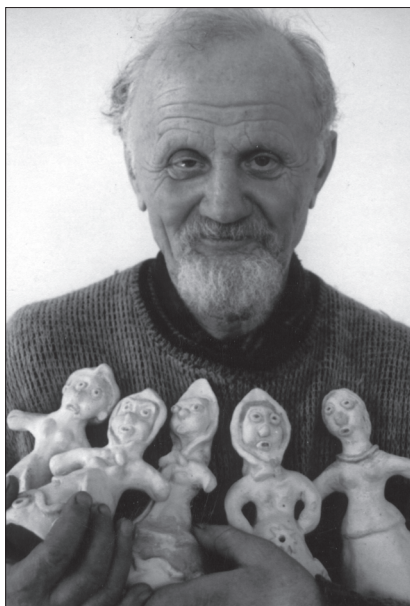

ТРОФИМОВСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ИГРУШКА

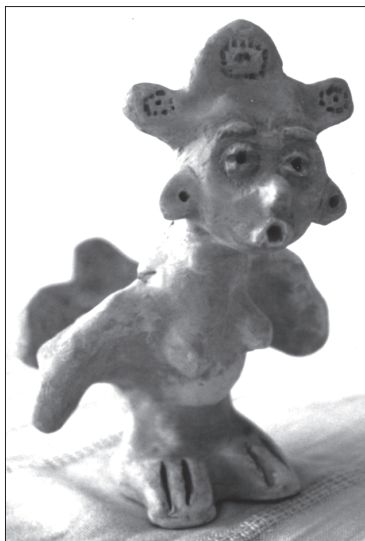
*Андрей Николаевич Голендеев,
заведующий отделом
народных промыслов и ремесел
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

В 1997 году, когда я работал педагогом дополнительного образования в керамической мастерской при школе № 19 Иркутска, нам для обжига кто-то принес глиняные игрушки. Они невольно притягивали взгляд, мы с интересом стали их рассматривать. Эти игрушки удивляли своей выразительностью и характерностью, от них веяло глубокой древностью, архаикой. Почти все игрушки являлись свистульками. Пищики свистулек были сделаны круглой стеклой, что также нас удивило. Кроме того, все игрушки имели по четыре игровых отверстия. Мы пытались на них поиграть, но ничего достойного исполнить не смогли. Через несколько дней появился хозяин «глиняшек», мы познакомились, им оказался Михаил Ефимович Трофимов. По нашей просьбе он мастерски исполнил на своих игрушках несколько известных народных песен.

Михаил Ефимович является членом Союза писателей России и больше известен как автор нескольких поэтических сборников, таких как «Первотроп», «Иван-чай», «Белый соболь», «Изморозь», «Параскева». Немало иркутян читало своим детям его книгу стихов

**Михаил Ефимович Трофимов
со своими работами из глины.
Фото С.И. Переносенко**

«Птица Сирин»

для малышей «Лесная азбука». Однако немногие, в основном знакомые, знают о его увлечении глиной. Поскольку я сам иногда работаю с глиной, это увлечение поэта меня заинтересовало.

Лепить игрушки Михаил Ефимович начал, по его словам, лет в 40, в начале 1980-х годов. Поэт вспоминает: «Я тогда на стройке работал, и послали меня в детский дом, который размещался в бывшей усадьбе В.П. Сукачева, чье имя носит Иркутский художественный музей, копать яму для летнего душа. Докопался я до глины, помял в руках кусочек — пластичная, да и начал лепить из нее фигурки. Сажу, значит, в яме, игрушки делаю, а

тут местная детвора набежала. Легли ребятки вокруг ямы и на меня смотрят, как я леплю. А я слеплю да им и отдам, они веселятся. Так детей и порадовал, правда, игрушки все сломались, так как сырые были, необожженные».

Через некоторое время после этого случая, находясь в командировке в Братске, Михаил Ефимович зашел в мастерскую проведать своего друга художника-керамиста Анатолия Иванова. В мастерской всегда имелся запас глины, подготовленной для работы. Анатолий предложил другу полепить игрушки из этой глины. Михаил Ефимович налепил, Анатолий их обжег в керамической печи, затем игрушки были расписаны и почти все подарены автором работницам мастерской. Лучшие работы Михаил Ефимович взял с собой в Иркутск, где показал друзьям-художникам. Они оценили способности начинающего игрушечника и рекомендовали работать дальше. Росту мастерства способствовало вынужденное нахождение Михаила Ефимовича дома, так как некому было водиться с двухлетней дочкой и пятилетним сыном. Во время этого «сидения» он не только сам лепил, но и приобщал к глине своих детей. Глину брали в городе, в котловане на месте будущей стройки. Дома глину замешивали с водой в ванной, переминали руками и приступали к работе. Дочка так увлеклась леп-

кой, что, не успев проснуться, утром просила отца: «Дай глину, лепить буду!» Печь для обжига мастер приобрел в магазине учебных пособий.

Первые работы мастера — это образы животных, как традиционные для народного искусства, так и местные сибирские, а также образы человека — «баба», «гармонист», «всадник» и т. д. Во время работы в соборе Богоявления, в 1980-х годах филиале Иркутского художественного музея, Михаил Ефимович познакомился с дымковским мастером по изготовлению глиняных игрушек. Она привезла с собой для выставки коллекцию дымковской игрушки и охотно рассказывала об этом всемирно известном промысле; показала, как можно вылепить игрушку-свистульку, а главное — как сделать накол пищика свистульки. С этого момента многие работы иркутского мастера запели, заиграли на разные лады, часто выдавая замысловатые мелодии. Так на берегах Ангары состоялось соединение дымковской традиции с иркутской, нарождающейся.

Благотворным образом на выделку игрушек влияло частое общение мастера с искусствоведами, работающими рядом с ним в соборе Богоявления. Они первыми могли видеть новые работы и соответственно первыми высказывать критические замечания или, наоборот, похвалить мастера. О росте художественного уровня игрушек свидетельствовали постоянные

Композиция «Свадьба»

«Собака»

приглашения М.Е. Трофимова на различные выставки, как народных мастеров, так и профессиональных художников, проходившие не только в городе и области, но и в стране. Мастер вспоминает: «Отдал однажды на передвижную выставку 15 игрушек, а домой всего пять вернулось, но я не огорчился по этому поводу, если взяли — значит игрушки понравились, значит оценили». Почти все работы Михаил Ефимович подарил своим друзьям и знакомым

либо отдал в дар музеям не только Иркутска, но и других городов России.

Какое-то время мастер не работал с глиной, мешали житейские неурядицы. Но лишь проблемы отступали, он вновь брался за податливый материал и лепил игрушки. Я спросил Михаила Ефимовича о том, есть ли связь между его стихами и игрушками. Как оказалось, связь самая непосредственная. Например, серия из 12 игрушек под названием «Свадьба» родилась вслед за поэмой «Свадьба». С другой стороны, часть стихов появилась в процессе работы с глиной и была записана прямо во время лепки, поэтому на листах со стихами есть следы глины. То есть иногда игрушки рождались как иллюстрации к поэтическим образам, иногда сами игрушки вдохновляли мастера — и тогда появлялись стихи. У поэта-игрушечника есть мечта — издать альбом фотографий своих работ из глины, сопроводив их своими же стихами.

Сейчас Михаил Ефимович работает в православной женской гимназии. И, так же как и раньше, стоит ему только достать глину, чтобы поработать, тотчас набегают девчушки разных возрастов (воспитанницы гимназии) и начинают лепить вместе с ним. Игрушки, слепленные самим мастером, еще не успевшие остыть после обжига, в один миг разбираются детьми. По этой причине в его комнате-мастерской игрушек почти нет, складывается ситуация как в пословице о сапожнике, не имеющем сапог: игрушечник оказывается без игрушек. Но

Композиция «Хор»

же время органичная пластика перетекания объемов игрушки, создаваемая легко, непринужденно. Мастер лепит монолитные игрушки из единого куска глины, что придает особую выразительность образу. Минимально используются наклепные детали, в основном это глаза и рот, которые чаще всего широко открыты. При лепке свистулек мастер вначале делает полость, а уже к ней добавляет необходимые для создания образа части — ноги, головы и т. д. Большую группу игрушек составляют образы животных и птиц: конь, олень, лось, петух, сова, собака, лиса, удод, тетерев, рысь. Каждое глиняное животное имеет только ему присущие характер, настроение, состояние. Каждая игрушка удивительно цельная и правдивая, что-то добавить или убавить невозможно, а это и есть состояние гармонии — единства внешней формы и

мастер не печалится: «Была бы глина да печь, а игрушки новые налеплю».

Хочется подробнее остановиться на образах, рождающихся в умелых руках Михаила Ефимовича. Я уже упоминал об архаичных чертах трофимовских игрушек, кроме этого, надо отметить удивительное чувство материала (глины), присущее автору, которое определяет выбор изобразительного языка. Это обобщенность форм, отсутствие тонких деталей и в то

Композиция «Сова с совятами»

«Пара»

внутреннего, вкладываемого автором содержания. При всей яркой индивидуальности игрушек есть одно качество, присущее им всем без исключения: доброта; даже такой хищник, как рысь, выглядит не агрессивным, а удивленным зверем. Каким прямо человеческим, материнским счастьем наполнены композиции «Лиса с лисятами», «Сова с совятами»! Такие добрые образы могут делать только добрые руки. Впрочем, именно доброта является отличительной чертой всего подлинно народного искусства, а Михаил Ефимович — яркий его представитель.

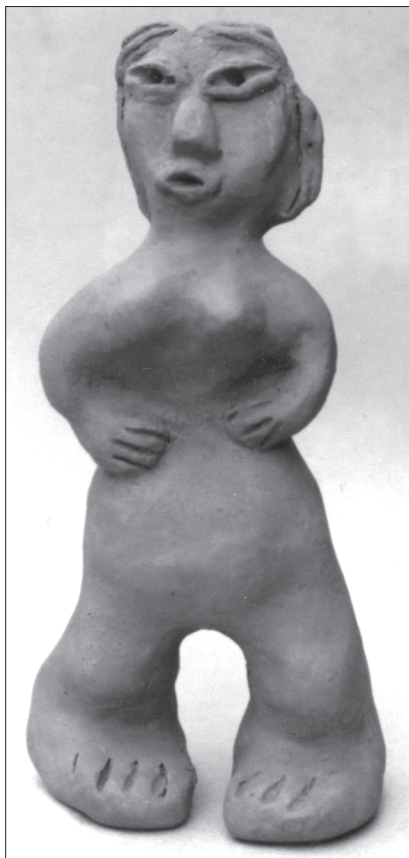
Другая группа игрушек представляет собой образы людей. Среди них есть и традиционные для всего народного искусства — «Баба» и «Всадник на коне», «Пара».

Эту группу по сходству мотива с филимоновскими игрушками можно назвать «любота». А также оригинальные образы и композиции: «Гармонист», «Семья гармониста», «Хор», «Конная двойка с гармонистом», «Шишок». Кроме того, есть у Михаила Ефимовича такой образ, как «венера» — женское изображение без традиционной юбки-колокола, которое сродни архаичным палеолитическим «венерам». Здесь мы наблюдаем ту же картину, что и с образами животных, — все работы живые, с характером. «Бабы» в основном поющие, есть даже такая композиция из нескольких фигур — «Хор». Смотришь на них — и слышится раздольная русская песня. Другую песню поет подруга гармониста, стоящая около возлюбленного. Сильно растянуты меха гармошки, напряженный момент в песне. Вроде фигурки расположены статично, но сколько в них движения, эмоций! А вот целая семья гармонистов — эту работу Михаил Ефимович сделал под впечатлением от личного общения с Геннадием Заво-

локиным — организатором и ведущим всероссийской телепрограммы «Играй, гармонь». В композиции представлены сам Геннадий, его жена, дети Захар и Настя. Еще одна работа мастера — сани, запряженные двойкой лошадей, а в санях три певуны и гармонист. Быстро мчатся сани, далеко по округе слышна песня. Есть целая серия работ, посвященных охоте, в том числе и юмористическая, называемая «Медвежья охота». Здесь не поймешь, кто на кого охотится: то ли охотник на медведя, то ли медведь на охотника. Особую группу представляют мифологические образы — птица Сирин, Полкан. Образы архаичные, но их трактовка в исполнении Михаила Ефимовича новая.

Так откуда же у М.Е. Трофимова такое умение работать с глиной, так ее чувствовать, откуда эта архаичность, образность его работ? Как удалось

выяснить у самого мастера, среди его предков, по крайней мере в трех предшествующих поколениях, гончаров не было. Однако было детство, проведенное в таежной деревне Снегиревка, что в Рыбинском районе Красноярского края. Работа в поле, народные праздники, охота, рыбалка давали много впечатлений, учили видеть и чувствовать природу, жить в гармонии с ней, учили доброму отношению к окружающим людям. Душа будущего поэта и мастера глиняных дел впитывала поэтичность, образность, красоту родного языка, народных песен и обрядов. А свистульки в детстве Михаила Ефимовича все-таки были. Ходили в послевоенные годы по деревням старьевщики. Меняли всякую мелочь (швейные иглы, рыболовные крючки, свистульки и пр.)

«Венера»

на старые вещи, а иногда и на продукты. Свистулькой оповещали о своем прибытии, а ребяташки, чтобы получить желаемый музыкальный инструмент, частенько несли из дому на обмен не только старые, но и еще хорошие вещи. Свистульки, по воспоминаниям мастера, были в виде птичек и свистели очень звонко, хотя, как признавался Михаил Ефимович, тогда его больше привлекали рыболовные крючки. В результате генетическая память, соединение детских впечатлений со стремлением к творчеству в разных проявлениях дали Иркутску феномен крестьянской трофимовской игрушки, являющейся живительным, чистым, глубинно народным источником среди затопившего нас в последнее время моря безвкусицы, подделок, кича. Конечно, звучит это парадоксально, так как Иркутск — город, как же в нем может появиться крестьянская игрушка? Но факт остается фактом, мы сами свидетели этого уникального явления — рождения в городской, урбанизированной среде доброй, крестьянской по своей сущности игрушки. Очень жаль, что пока у М.Е. Трофимова нет достойных продолжателей заложенной им традиции лепки глиняной игрушки. Но я уверен, что они появятся и трофимовская игрушка получит известность не только у нас в стране, но и во всем мире.

Композиция «Семья гармониста»

В результате генетическая память, соединение детских впечатлений со стремлением к творчеству в разных проявлениях дали Иркутску феномен крестьянской трофимовской игрушки, являющейся живительным, чистым, глубинно народным источником среди затопившего нас в последнее время моря безвкусицы, подделок, кича. Конечно, звучит это парадоксально, так как Иркутск — город, как же в нем может появиться крестьянская игрушка? Но факт остается фактом, мы сами свидетели этого уникального явления — рождения в городской, урбанизированной среде доброй, крестьянской по своей сущности игрушки. Очень жаль, что пока у М.Е. Трофимова нет достойных продолжателей заложенной им традиции лепки глиняной игрушки. Но я уверен, что они появятся и трофимовская игрушка получит известность не только у нас в стране, но и во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславская И.Я. Русская глиняная игрушка. — Л., 1975.
Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. — М., 1981.
Динцес А.А. Русская глиняная игрушка. — Л., 1936.
Латынин Л.А. Образы народного искусства. — М., 1983.
Народное гончарство России: Каталог выставки. — М., 1987.
Рондели Л.Д. Народное декоративно-прикладное искусство. — М., 1984.